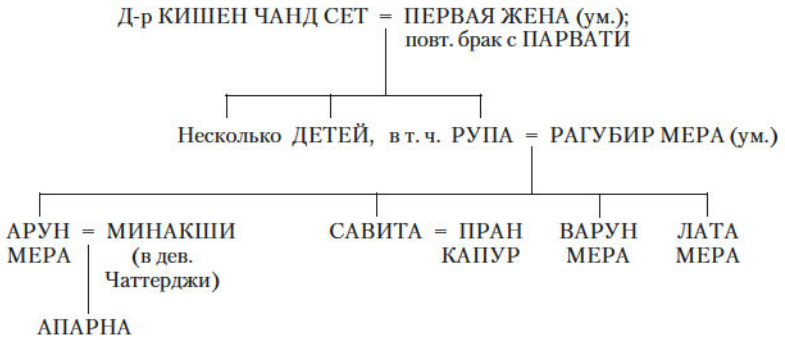

Оглавление

10. С охотой на волков не вышло; вот Иная цель стрелка в форте Байтара ждет.	11
11. Спор о земле: в судах немало дел. Земли не видно из-под мертвых тел.	105
12. Украден поцелуй. «Двенадцатая ночь». Смятенье даже бридж не в силах превозмочь.	213
13. Малыш рожден, вокруг бурлит совет. Сапожник пишет. Книгу шлет поэт.	325
14. Премьер дал бой и голову сберег. Сыновняя печаль умершим впрок.	483
15. Пылает Ланка, Кербела горит. Безумие на улицах царит.	593
16. На Рождество Калькутта вся в огнях. Крикетный матч и женихи. Все трое, ах!..	679
17. Тот умер сам, а этот был убит. И давний стыд не может быть забыт.	771
18. Все, как один, на выборах чуть свет! Кто победил, кто — ну конечно — нет.	905
19. Что ж, занавес. Актерам — на поклон. Свет гаснет. Но еще зажжется он!	1011

МЕРЫ

КАПУРЫ

ХАНЫ

ЧАТТЕРДЖИ

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

10.1

Через несколько дней после бури в Дебарии случился исход: ее покидало сразу несколько человек, причем каждый по своей причине. Все они направлялись в Салимпур, подокружной город, где находилась ближайшая железнодорожная станция нужной им ветки.

Рашид поехал за женой и двумя детьми — хотел привезти их в Дебарию и побыть с ними до возвращения в Брахмпур.

Ман его сопровождал, без особого, впрочем, на то желая. Много ли удовольствия может быть в таком путешествии? Приехать в деревню, где живут жена Рашида и ее отец, потом тащиться вместе обратно — причем она будет с ног до головы закрыта черной паранджой и разговаривать с ней нельзя, — постоянно чувствовать, как Рашиду неловко вести две беседы одновременно, да еще терпеть невыносимую жару... Однако учитель его пригласил, и отказываться было неудобно, да и уважительных поводов не нашлось. Возможно, Рашид тоже сделал это из вежливости, чтобы не бросать гостя одного. В самом деле, что он будет делать тут один? Эдак и с ума сойти недолго. Жизнь в Дебарии, полная неудобств и скуки, очень тяготила Мана.

Медведь и гуппи тоже доделали свои дела в деревне и поехали дальше.

У Нетаджи якобы нашлось «одно дельце в подокружном суде» — на самом деле он просто хотел потереться в обществе чиновников местной администрации и мелких политиков.

Наконец, в Салимпур направлялся прославленный археолог Вилайят-сахиб, которого Ман так ни разу и не увидел. Он ехал в Брахмпур, а оттуда — домой в Дели. Причем из деревни он отбыл в полном одиночестве на запряженной быком телеге, никому ничего не сказав и не дав возможности остальным по-дружески предложить ему местечко в повозке рикши.

«Его словно и не существует, — думал Ман, — он будто соблюдает пурду. Я о нем слышал, но никогда его не видел, совсем как

женщин этой семьи. Они-то ведь должны существовать! Или нет? Быть может, все женщины — лишь пущенный кем-то слух?» На душе у Мана становилось все муторнее.

Нетаджи, бравый усатый мóлодец, предложил домчать Мана до Салимпура на «харлее».

— Зачем вам целый час трястись на рикше по такой-то жаре? — спросил он. — Вы ведь брахмпур-валла и привыкли к роскоши. Не зачем вам плавить мозги на солнышке. К тому же я хотел с вами поговорить.

Ман согласился и теперь тряся по ухабистой проселочной дороге на мотоцикле: мозги его, может, и не плавильсь, зато дребезжали.

Рашид предупредил Мана, что Нетаджи из любых ситуаций пытается извлечь личную выгоду, поэтому Ман не удивился обороту, который приняла их беседа.

— Ну как вам? Слышите меня хорошо? — спросил Нетаджи.

— О да.

— Я спрашиваю, как вам? Нравится?

— Очень. Где вы достали мотоцикл?

— Нет, я не про мотоцикл, а про нашу деревню! Нравится вам здесь?

— А почему нет?

— Раз «почему нет» — значит не нравится.

— Неправда, мне пришились по душе ваши края!

— Это чем, интересно?

— Ну, здесь свежий воздух, — выкрутился Ман.

— А я вот терпеть не могу деревню! — прокричал Нетаджи.

— Что?

— Говорю, ненавижу деревню! Делать здесь нечего, никакой политики — скучно! Если я хотя бы пару раз в неделю не съезжу в Салимпур, меня начинает мутить.

— Мутить?

— Да. От местных деревенщин с души воротит. А самое ужасное — это хулиганье. Моаззам, например. Никакого уважения к чужой собственности... Держитесь крепче, не то свалитесь! Прижмитесь ко мне хорошенько!

— Ладно.

— Даже мотоцикл не могу уберечь от этой шпаны! Поставить его некуда. Стоит посреди двора — они его и ломают из вредности. Брахмпур — вот это я понимаю, вот это город!

— О, вы бывали в Брахмпуре?

— Конечно! — нетерпеливо ответил Нетаджи. — Знаете, что мне больше всего понравилось?

— Что? — спросил Ман.

— Можно питаться в отелях, а не дома!

— В отелях? — нахмурился Ман.

— Ну да, в маленьких отелях.

— Понятно.

— Так, сейчас будет плохой участок. Держитесь крепче! Я сброшу скорость. Так мы не упадем, даже если колесо проскользнет.

— Хорошо.

— Вы меня слышите?

— Прекрасно слышу.

— Мухи в глаза не летят?

— Нет, вы меня прикрываете.

После недолго молчания Нетаджи сказал:

— У вас, наверное, много связей.

— Связей?

— Ну да, связей, связей, вы же меня поняли.

— Э-э...

— Вы должны воспользоваться своими связями и помочь нам, — заявил Нетаджи. — Мне, например, нужна лицензия на торговлю керосином. Уверен, что сын министра по налогам и сборам запросто может такое устроить.

— Вообще-то, все подобные лицензии выдает другое министерство, — спокойно ответил Ман, даже не думая обижаться. — Гражданского снабжения, если не ошибаюсь.

— Да бросьте, вы наверняка можете подсобить. Уж я-то знаю, как у вас там все устроено.

— Нет, не могу, — честно сказал Ман. — Если заикнусь об этом отцу, он меня живьем съест.

— Ладно вам, я просто спросил. Вашего отца, между прочим, здесь уважают... Почему он не найдет вам хорошую работу?

— Работу?.. Погодите, а почему здесь уважают отца? Он же грозитя отобрать ваши земли, разве нет?

— Ну-у... — начал было Нетаджи и осекся.

Вероятно, не стоит рассказывать Ману, что местный чиновник-патвари блюдет интересы их семьи. Ни Нетаджи, ни все остальные пока не знали о визите Рашида к старику. Никому бы и в голову не пришло, что тот способен прийти к патвари и попросить его переписать бумаги на Качхеру.

- Нас провожал ваш сын? — спросил Ман.
- Да. Ему два годика с небольшим, и в последнее время он не в духе.
- Почему?
- Вернулся недавно от бабушки. Та его разбаловала, и теперь ему все на так, все не то. Капризничает страшно!
- Может, из-за жары?
- Может, — согласился Нетаджи. — Вы когда-нибудь влюблялись?
- Что-что?
- Вы когда-нибудь влюблялись, говорю?
- О да, — ответил Ман. — Скажите, что это за здание мы миновали?

Через некоторое время они въехали в Салимпур. С остальными решено было встретиться возле магазина одежды и промтоваров. В базарный день узкие многолюдные улочки Салимпура были забиты под завязку. Торгаши всех видов и мастей, заклинатели змей с вялыми кобрами, лекари-шарлатаны, лудильщики, торговцы фруктами с корзинами манго и личи¹ на головах, кондитеры с засиженными мухами лотками, полными барфи², ладду³ и джалеби⁴, а также изрядное количество крестьян — не только Салимпура, но и ближайших деревень — заполнили весь центр города.

Стоял невероятный шум. Сквозь гвалт покупателей и крики торговшей доносилось бляенье двух репродукторов: один транслировал передачи «Всеиндийского радио», другой — музыку из фильмов, перемежаемую рекламой сиропа «Рахат-и-Рух» и масла для волос «На седьмом небе».

Электричество! Ман возликовал. Может, здесь даже будут вентиляторы.

---

¹ *Личи* китайское — плодовое дерево семейства сапидовых, известное также как личи, лиджи, китайская слива. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Барфи* — традиционный индийский десерт, как правило из кокосовой стружки, стуженного и сухого молока, сливочного масла и сливок с кедровыми орехами и фундуком; барфи бывает кокосовым, молочным, ореховым и т. п.

³ *Ладду* — десерт из гороховой (нутовой) муки и топленого сливочного масла с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями: корицей, кардамоном и мускатным орехом.

⁴ *Джалеби* — десерт, популярный в Индии, на Ближнем Востоке и в северной Африке: нити из теста, приготовленного из пшеничной муки тонкого помола, жаренные во фритюре из гхи и политые сахарным сиропом. Может подаваться горячим или холодным.

Нетаджи, непрерывно бранясь и гудя в клаксон, с черепашьей скоростью продвигался сквозь толпу. За пятнадцать минут они не проехали и ста ярдов.

— Опоздают на поезд! — сказал он, имея в виду остальных, выехавших на полчаса позже и к тому же на рикше. Впрочем, поезд уже задерживался на три часа, так что вряд ли они могли на него опоздать.

Когда Нетаджи добрался до магазина, принадлежавшего его другу (увы, вентилятора там не оказалось), его одолела такая жуткая головная боль, что он лишь мимоходом представил Ману приятелю, после чего сразу лег на скамейку и закрыл глаза. Хозяин заказал им несколько чашек чая. К тому времени в магазин собралось уже несколько человек, регулярно приходивших сюда посплетничать о политике и всем на свете. Один читал газету на урду, второй — сосед-ювелир — методично и вдумчиво ковырял в носу. Вскоре прибыли Медведь и гуппи.

Поскольку здесь, помимо прочего, продавали и одежду, Ману захотелось узнать, как устроен магазин. Он обратил внимание на полное отсутствие покупателей.

— Почему никого нет? — спросил Ман хозяина.

— Так базарный день же. В магазины народ почти не заходит, — пояснил ювелир. — Разве кто неместный случайно забредет. Поэтому я и ушел из своей лавки. Вон моя дверь, я отсюда за ней присматриваю.

Затем он обратился к хозяину магазина:

— А что в Салимпуре сегодня делает ГПА Рудхии?

Нетаджи, лежавший на лавке неподвижно, как труп, вдруг подскочил, услышав аббревиатуру ГПА. В Салимпуре был собственный глава подокружной администрации — мелкий поместный князек. А тут соседний князь пожаловал — ничего себе новости!

— Наверное, копаться в архивах приехал, — сказал хозяин магазина. — Я слышал, к нам должны кого-то откуда-то прислать, чтобы на них взглянуть.

— Осел! — воскликнул Нетаджи и без сил повалился обратно на лавку. — Архивы тут ни при чем. Наверное, думают, как сообщить местному населению — ну, о вступлении в силу Закона об отмене системы заминдари, когда его наконец примут.

На самом деле Нетаджи понятия не имел, что здесь делает ГПА, но решил во что бы то ни стало с ним встретиться.

Через пару минут в магазин заглянул тщедушный учитель, тоже приятель хозяина. Ехидно заметив, что у него, в отличие от некото-

рых, нет времени на праздную болтовню, он брезгливо зыркнул на растянувшегося на лавке Нетаджи, озадаченно — на Мана и отбыл.

— А где гуппи? — вдруг спросил Медведь.

Никто не знал. Гуппи исчез. Несколько минут спустя его обнаружили на улице: он, разинув рот, любовался пузырьками с пилюлями и снадобьями престарелого лекаря-шарлатана, разложившего товар прямо посреди улицы. Вокруг собралась толпа, и все слушали шарлатанские рассказы о некоей мутной ядовито-зеленой жидкости в стеклянной бутылочке, которой тот потрясал над головой.

— Это чудодейственное зелье, истинную панацею, подарил мне Таджуддин, великий баба, небожитель. Двенадцать долгих лет он прожил в джунглях Нагпура и все это время ничего не ел — влагу получал из зеленых листьев, которые постоянно жевал, а вместо еды прижимал к животу камень. Мышцы его сгнили, кровь испарилась, плоть усохла. Он превратился в черный мешок с костями. И тогда Аллах сказал двум ангелам: «Летите к Таджуддину, передайте старику мой салам...»

Гуппи слушал этот бред с распахнутыми глазами и верил каждому слову: Медведю пришлось чуть ли не силой затащить его с улицы в магазин.

10.2

Когда приятели принялись за чай, пан¹ и газеты, разговор пошел о политике, в частности — о недавних брахмпурских беспорядках. Главным объектом всеобщей ненависти стал министр внутренних дел Л. Н. Агарвал, чьи попытки оправдать преступные действия сил полиции, открывших огонь по толпе мусульман возле мечети Аламгири, получили широкую огласку в прессе. Этот же министр всячески поддерживал строительство — впрочем, он называл это реконструкцией — храма Шивы. Рифмованные речовки, популярные среди брахмпурских мусульман, добрались уже и до Салимпура. Местные с наслаждением скандировали:

Самп ка зэхар, инсан ки кхал:
Йе хей Л. Н. Агарвал!
Как змея с десятком жал,
Человек — Л. Агарвал!
Гхар ко лут кар кха гайа мал:
Хом министр Агарвал!
Всех ограбил, все сожрал
Наш министр Агарвал!

Вероятно, эти строки имели отношение к приказу о конфискации холодного оружия, в соответствии с которым полиция отбирала у людей не только топоры и копья, но даже обыкновенные кухонные ножи. Или, возможно, они отсылали к тому факту, что Л. Н. Агарвал, являясь членом Индуистской гильдии розничных торговцев, был главным сборщиком средств для партии Конгресс

---

¹ *Пан* — индийская жвачка для дезинфекции полости рта, в которую добавляют гашеную известь, пряности, семена горчицы, тертый орех арековой (бетелевой) пальмы, мед, лимон, ментол и даже сусальное серебро; также популярна как стимулирующее средство.

в штате Пурва-Прадеш. Его принадлежность к торговому сообществу банья высмеивалась в следующей речовке:

Л. Н. Агарвал, вапас джао,
баньи ки дукаан чалао!
Агарвал, вали отсюда
И торгуй своей посудой!

Отчего-то не все присутствующие понимали, что громогласный смех, сотрясший стены магазина на последних строках, едва ли уместен: друзья, в конце концов, собрались именно в лавке, и Ман, будучи кхатри, имел непосредственное отношение к торговле.

Резко отличаясь этим от Л. Н. Агарвала, Махеш Капур, даром что индуист, был известен уважительным отношением ко всем религиям (кроме собственной, как порой сетовала его супруга), в связи с чем осведомленные мусульмане держали его в большом почете. Вот почему, когда Ман и Рашид только познакомились, учитель сразу проникся теплыми чувствами к ученику. Сейчас он сказал Ману:

— Если бы не такие всенародные лидеры, как Неру, и не такие политики, как твой отец, на уровне штатов, положение мусульман в Индии было бы еще плачевней.

Ман лишь пожал плечами: ему не очень-то хотелось слушать похвалы в адрес отца.

Рашид подивился, что Мана как будто совсем не тронули его слова. Вероятно, дело в формулировке? Он сказал «положение мусульман», а не «наше положение» — отнюдь не потому, что не чувствовал себя частью сообщества, просто он привык мыслить условными, почти абстрактными категориями, даже когда речь заходила о столь близких его сердцу темах. Смотреть на мир как можно более объективно давно вошло у него в привычку, но в последние дни (после разговора с отцом на крыше) мир этот вызывал у Рашида все более отчетливое отвращение. Собственным коварством — или, быть может, нечистоплотностью — он тоже не гордился, но другого выхода у него не было. Заподозри патвари, что Рашид действует по собственной воле, не заручившись поддержкой семьи, ничто не помогло бы Качхеру отстоять право на возделывание своего клочка земли.

— Я вам скажу, что думаю по этому поводу, — заявил Нетаджи тоном истинного вождя (прозвище обязывало как-никак). — Мы должны действовать сообща, единым фронтом. Вместе работать во имя общего блага. Только мы можем изменить сложившееся поло-

жение. Прежние лидеры дискредитированы, и теперь нам нужна молодежь — молодые ребята, как... каких много вокруг... способные взять все в свои руки. Деятели, а не мечтатели. Люди из простого народа, уважаемые члены общества. Да, все уважают моего отца, раньше он действительно имел связи, я этого не отрицаю. Но его время, как все вы наверняка согласитесь, уже на исходе. Недостаточно...

Увы, никто так и не узнал, каких действий, по его мнению, было недостаточно. Неподалеку остановилась повозка с репродукторами, рекламировавшая масло для волос «Седьмое небо». Минуту было тихо, а потом загрела такая оглушительная музыка, что всем присутствующим пришлось зажать уши. Бедный Нетаджи прямо позеленел от боли и стиснул ладонями голову, после чего все вывалились на улицу, дабы прекратить окаянный шум. Однако в это самое мгновение Нетаджи заметил в толпе высокого молодого человека в «сола топи», пробковом шлеме: лицо незнакомое и какое-то бесхарактерное. ГПА Рудхии — а это в самом деле был он, чутье никогда не подводило Нетаджи — недовольно взглянул на источник шума, но двое полицейских поспешно повели его прочь, в направлении вокзала.

Когда эти головы (два тюрбана по бокам, шлем посередине) замелькали в толпе и исчезли, Нетаджи в панике схватился за усы: добыча уходит!

— На вокзал, на вокзал! — завопил он, начисто забыв о головной боли, да так громко, что даже оглушительные мелодии из репродукторов не смогли заглушить его крик. — Поезд, поезд, вы же все опоздаете! Хватайте сумки и бежим! Скорей! Скорей!

Все это прозвучало весьма убедительно: никто даже не усомнился в правоте Нетаджи. Десять минут спустя, проталкиваясь сквозь толпу, потев и вопя, бранясь и слыша брань в ответ, делегация из Дебарии прибыла на вокзал. Там они узнали, что поезд прибудет только через час.

Медведь раздраженно взглянул на Нетаджи:

— И зачем ты нас поторопил?!

Глазки Нетаджи нервно забегали по перрону. Вдруг его лицо расплылось в улыбке.

Медведь нахмурился. Склонив голову набок, он посмотрел на Нетаджи и повторил вопрос:

— Зачем, а?

— Что? Что ты сказал? — рассеянно переспросил Нетаджи. В дальнем конце перрона, рядом с будкой начальника станции, он приметил заветный пробковый шлем.

Медведь, досадуя на Нетаджи и на самого себя, отвернулся.

Предвкушая новое полезное знакомство, Нетаджи схватил Мана за грудки и в буквальном смысле слова потащил его за собой. Ман от неожиданности и потрясения даже не стал сопротивляться.

Нетаджи без всякого стеснения подошел прямо к молодому ГПА и с апломбом заговорил:

— ГПА-сахиб, очень рад познакомиться. Не покривив душой, скажу, что это огромная честь для меня!

Из-под полей «сола топи» показалось озадаченное и недовольное лицо чиновника с маленьким безвольным подбородком.

— Да? — сказал ГПА. — Чем могу помочь?

На хинди он говорил вполне сносно, но с бенгальской интонацией.

Нетаджи продолжал:

— Ну что вы, ГПА-сахиб, вопрос следует ставить иначе: чем вам могу помочь я? Вы ведь гость в нашем техсиле¹. Я — сын заминдара из Дебарии, меня зовут Тахир Ахмед Хан. Все здесь меня знают. Тахир Ахмед Хан, запомните. Я из Конгресса, занимаюсь делами молодежи.

— Понятно. Рад познакомиться, — безрадостно ответил ГПА.

Такой прием не обескуражил Нетаджи. Тот мигом извлек из рюкзака козырную карту:

— А это мой добрый друг, Ман Капур, — эффектно произнес он, подталкивая угрюмого Мана вперед.

— Хорошо, — столь же равнодушно произнес ГПА, потом медленно нахмурился и сказал: — Кажется, мы где-то встречались...

— Так это же сын Махеша Капура, нашего министра по налогам и сборам! — с нескрываемым, прямо-таки агрессивным раболепием воскликнул Нетаджи.

ГПА удивился. Потом вновь сосредоточенно нахмурил лоб.

— Ах да! Нас познакомили около года назад, на приеме в доме вашего отца, — уже добродушнее проговорил он по-английски (таким образом исключая Нетаджи из разговора). — У вас ведь дом неподалеку от Рудхии, если не ошибаюсь? Рядом с городом то есть.

— Да, у отца там ферма. — Ман вдруг вспомнил про отцовскую просьбу. — Вы мне напомнили: надо будет на днях туда навеститься.

— А что вы здесь делаете? — спросил ГПА.

— Да так, ничего особенного. Приехал погостить к другу. — По-медлив, Ман добавил: — Он на другом конце перрона стоит.

---

¹ *Техсил* — единица административного деления, состоит из города и нескольких прилегающих к нему деревень.